

УДК 82-1/-9

Г.А. Кривенко, кандидат филологических наук
Инновационный Евразийский университет (г. Павлодар, Республика Казахстан)
E-mail: galinagr1016@gmail.com

Формы представления авторства в художественном тексте

Аннотация. В статье освещается роль образа автора, рассматриваются различные формы представления авторства в художественном тексте, доказывается, что текст – всегда определенный угол зрения, характеризующийся избираемым способом организации речи, через который мы узнаем автора, т.е. создаем индивидуальный, неповторимый образ его индивидуальности.

Ключевые слова: авторство, художественный текст, образ автора, формы представления, субъект повествования.

Введение. В последние годы антропологическое направление лингвистики требует постоянного внимания к проведению исследования тесной связи языка и жизни человека, его сознания, мышления, истории, культуры. Эта проблема, ставшая актуальной, сократила разрыв между естественными и гуманитарными науками. Учет «человеческого фактора», несомненно, приводит к мысли о языке как выразителе «духа народа», о существовании особого языкового мироздания, которое выразил Гумбольдт В.: «Язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом, и чем соразмернее этот последний действует на язык, тем закономернее и богаче его развитие» [1, С. 169]. В данной статье рассматриваются вопросы исследования способов репрезентации пишущего в художественном тексте, которые, на наш взгляд, являются актуальными, т.к. текст – это всегда определенный угол зрения, мировоззренческая позиция автора. Корман Б.О. отмечает: «Автор как некий взгляд на действительность, выражением которого является все произведение; автор – повествователь; автор как особая форма выражения авторского сознания...» [2, С. 9].

В прозаических произведениях в центре языковой картины находится человек с его мыслями и чувствами, действиями и поступками. Все эти качества писатель переносит на окружающую действительность. «Персоналистичность» мира художника: независимость персонажного «голоса» и свобода «правды героя» по отношению к «правде автора» – позволяют анализировать индивидуальные картины мира персонажей, репрезентированные в текстах писателя. При чтении художественного произведения «возникает представление о действующих лицах, обнаруживающих себя в прямой речи, так и об авторе, обнаруживающем себя в авторской речи» [3, с. 52].

В зависимости от угла зрения исследователя судят об образе автора художественного произведения и о голосе автора в соотношении с голосами персонажей. Дефиниция, связанная с проблемами, возникающими вокруг автора, еще не стала общепринятой.

Бахтин М.М. отмечает: «Текст является той непосредственной действительностью (действительностью мысли и переживания), из которой только и могут исходить гуманитарные дисциплины и само гуманитарно-филологическое мышление» [4, с. 281]. Взаимосвязь между литературным процессом и текстом, как продуктом его реализации, более точно описывает автора, рассматривая его как историческое лицо и как оригинальную индивидуальную личность, что важно для художественных текстов, так как понятие образа автора и образа автора связаны с текстом как цельным произведением. Читатель в своем воображении представляет субъект по-своему, поэтому образ автора не является объективной данностью, а только лишь результатом читательской интерпретации. Но и назвать рассматриваемую категорию как субъективную тоже нельзя, так как и жанровая зависимость текста, и его смысловая организация, и литературное оформление не могут быть чисто субъективными. Образ автора – понятие более сложное и многообразное.

Иерархический порядок: «субъект речи – субъект повествования – образ автора» помогает понять сущность образ автора. Понятие «образ автора» проявляется при раскрытии других понятий, более определенных – субъект речи, субъект повествования.

Материалы и методы. Реальный производитель речи, а именно субъект речи, не вызывает различных толкований, потому что каждое литературное произведение создается конкретной личностью. Например, цикл рассказов «Записки охотника» – И.С. Тургенев, который послужил материалом нашего исследования. Субъект повествования, в данном случае субъект речи, старается избрать жизненный материал, отвечающий его интересу, у него возникает желание найти более яркую и убедительную форму воплощения видения мира, нравственного отношения к событию.

Используя функциональный, который помогает вскрыть соотношение значения языковых единиц и их смысла в тексте, контекстуальный, благодаря которому проясняется художественный смысл употребляемых писателем языковых средств, и описательно-сопоставительный, который применяется при сопоставлении анализируемых лексических единиц в различных художественных произведениях

И.С. Тургенева, методы исследования текстов, мы определили, что формы представления авторства в художественном тексте различны.

Результаты. И.С. Тургенев использует форму повествования от первого лица, что маркируется местоимениями первого лица: *«Однажды осенью, на возвратном пути с отъезжего поля, я простудился и занемог. К счастью, лихорадка застигла меня в уездном городе, в гостинице; я послал за доктором»* [4, С. 26]; *«Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках. До дому еще было верст восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по пыльной дороге, изредка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шаг не отставала от задних колес»* [5, С. 108]. Повествователь в форме первого лица является фигурой изображаемого мира, совмещающий две функции – действующего лица и рассказчика. Писатель отождествляет себя с героем и выступает в форме «я», показывая, что он хочет говорить честно, от души, наполняя произведение особой эмоциональностью и выразительностью.

В поэтическом очерке «Лес и степь» автор ведет повествование от второго лица – это довольно редкий, но оригинальный тип построения литературных текстов. Он осуществляет структурные возможности русского языка, которые связаны со вторым лицом личных местоимений (*ты, вы*) и соответствуют глагольным личным формам: *«Вы едете – едете мимо церкви, с горы направо, через плотину... <...> Вам холодно немножко, вы закрываете лицо воротником шинели; вам дремлется»* [5, с. 249]. Эта же форма повествования присутствует в начале рассказа «Ермолай и мельничиха»: *«Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки, оглядываетесь, осматриваете пистон, перемигиваетесь с товарищем. <...> Вы ждете»* [5, С. 11]. Мы читаем *вы*, а воспринимаем как бы находящееся где-то за кадром *я*. Благодаря этому автор хочет, чтобы читатель представил себя на его месте и испытал те же переживания, эмоции. В рассказе «Уездный лекарь» встречаются подобные отступления: *«Странные дела случаются на свете: с иным человеком и долго живешь вместе и в дружественных отношениях находишься, а ни разу не заговоришь с ним откровенно, от души с другим же едва познакомится успеешь – глядь, либо ты ему, либо он тебе, словно на исповеди, всю подноготную и проболтал»* [5, С. 26]. Такой прием сближает автора и читателя, помогает установить контакт и делает изображаемое более достоверным, наглядным. Читатель как бы собственными глазами смотрит на происходящее, оказавшись в центре событий.

Одной из самых распространенных форм повествования является повествование от третьего лица, который создает эффект повествования объективного, нейтрального, которое не связано с конкретным лицом. Описываемые события воспринимаются субъективно: *«Несколько дней спустя единственный уцелевший у Чертопханова казачок доложил ему, что к нему прибыл какой-то верховой и желает поговорить с ним. Чертопханов вышел на крыльцо и увидал своего знакомого жидка, верхом на прекрасном донском коне, неподвижно и гордо стоявшем посреди двора. На жилке не было шапки: он держал ее под мышкой, ноги он вдел не в самые стремяна, а в ремни стремян; разорванные полы его кафтана висели с обеих сторон седла»* [5, С. 211]. Повествование от третьего лица имеет сложный характер, хотя по своей природе высказывания данного типа более сдержаны, спокойны, лишены непосредственного чувства, то есть субъективной модальности, например: *«В этих хоромах жили богатые помещики, и все у них шло своим порядком, как вдруг, в одно прекрасное утро, вся эта благодать сгорела дотла. Господа перебрались в другое гнездо; усадьба запустела. Обширные пепелище превратилось в огород, кое-где загроможденный грудами кирпичей, остатками прежних фундаментов»* [5, с. 20]. Автор, используя представления героя о мире, его слова и выражения, стремится изобразить персонажа изнутри, но при этом слегка изолируясь от него.

Таким образом, повествование в прозаическом произведении может вестись от трех основных композиционных типов повествователей: повествователя в форме первого лица, второго лица и третьего лица. Форма повествования от первого лица наиболее проста, естественна, изначальна. Главной ее особенностью является совпадение производителя речи и Я говорящего. Выбор формы изложения от первого лица, когда автор «доверяет» рассказчику дальнейшее повествование, позволяет передать его взгляд на окружающее, его чувства и оценки. Форма повествования от второго лица сближает изображаемое к читателю, делая описываемое более достоверным, читатель оказывается невольным свидетелем происходящего. Форма третьего лица – самая распространенная, в которой Я говорящего не столь существенна, эмоции сдержаны, спокойны, оценки носят прямой и открытый характер и принадлежат непосредственно автору.

Все эти формы повествования могут встречаться в «чистом виде», однако чаще всего взаимодействуют, перекликаются, чередуются, создавая различные композиционные формы, таким образом, происходит смешение личностного, совмещение двух сознаний. Так, например, в рассказе «Малиновая вода» И.С. Тургенев ведет повествование от третьего и первого лица: *«В начале августа жары часто стоят нестерпимые. В это время, от двенадцати до трех часов, самый решительный и сосредоточенный человек не в состоянии охотиться, и самая преданная собака начинает «чистить охотнику шпоры», то есть идет за ним шагом, болезненно прищурив глаза и преувеличенно высунув язык, а в ответ на укоризны своего господина униженно виляет хвостом и выражает смущение на лице, но вперед не подвигается. Именно в такой день случилось мне быть на охоте. Долго противился я искушению прилечь где-нибудь в тени, хоть на мгновение; долго моя неугомонная собака продолжала*

рыскать по кустам, хотя сама, видимо, ничего не ожидала путного от своей лихорадочной деятельности» [5, С. 19]. В данном отрывке автором используются формы третьего и первого лиц, он передает события, происходящие во внешней среде, создается «эффект отстранения» (третье лицо), и противопоставляет их лицу, реально участвующему в описываемых действиях (первое лицо), что создает впечатление достоверности происходящих событий.

Когда мы слышим в одном повествовании звучание нескольких голосов, когда в тексте различается несколько говорящих субъектов, которые представлены нам со своими фоновыми знаниями, идеологической позицией, языком, предрассудками и так далее – возникает многоголосие. Так, например, в рассказе «Певцы» используются формы повествования от всех трех лиц, на это указывают личные местоимения и глаголы: «*В передней части избы, предоставленной посетителям, **находятся** лавки, две-три пустые бочки, угловой стол. Деревенские кабаки большей частью довольно темны, и почти никогда не **увидите вы** на их бревенчатых стенах каких-нибудь ярко раскрашенных лубочных картин, без которых редкая изба **обходится**. Когда **я** вошел в Притынный кабачок, в **нем** уже собралось довольно многочисленное общество*» [5, С. 145]. Повествование от третьего лица позволяет автору без каких-либо ограничений вводить читателя во внутренний мир персонажа и показывать его глубже. Автор знает о своем герое абсолютно все: характер, мотивы поведения, все тайны его души, поэтому может более подробно проследить за внутренними процессами, объяснить причинно-следственную связь между мыслями, переживаниями. Употребляя глагол второго лица «увидите», автор стремится отразить события через восприятие своего героя, Тургенев создает «эффект присутствия» читателя в описываемых событиях.

А в рассказе «Два помещика» автор употребляет формы повествования от первого и второго лица: «*Я уже имел честь представить **вам**, благосклонные читатели, некоторых **моих** господ соседей; позвольте же **мне** теперь, кстати (для **нашего** брата писателя все кстати), познакомить **вас** еще с двумя помещиками, у которых **я** часто охотился, с людьми весьма почтенными, благонамеренными и пользующимися всеобщим уважением нескольких уездов*» [5, С. 114]. В данном отрывке И.С. Тургенев использует формы повествования первого и второго лица. Автор отождествляет себя с героем и выступает в форме «я», при этом обращаясь к читателям. Подход к герою как к реальному человеку, как к соседу, неизбежно упрощает художественный характер. Используя форму повествования второго лица, оказывает на читателя мощное эмоциональное воздействие, доставляет ему интеллектуальное, а иногда и чувственное наслаждение, то есть, воспринимается лично.

Повествование может идти и без указания на лицо, автор не называется. Например, в рассказе «Конец Чертопханова» в первом предложении идет повествование от первого лица: «*Года два спустя после **моего** посещения у Пантелея Еремича начались его бедствия – именно бедствия*», а далее – от третьего лица: «*Неудовольствия, неудачи и даже несчастья случались с **ним** и до того времени, но **он** не обращал на **них** внимания и «царствовал» по-прежнему. Первое бедствие, поразившее **его**, было для **него** самое чувствительное: Маша рассталась с **ним***» [5, с. 205]. Автор будто «растворен» в тексте, его присутствие сторонне, он только наблюдатель, а действие происходит само по себе.

В произведении И.С. Тургенева мы находим сочетание авторского голоса и голоса рассказчика. Автор часто напрямую беседует со своими читателями: «*Вследствие всего **вышесказанного мне не для чего толковать читателю**, каким образом, лет пять тому назад, я попал в Лебедянь в самый развал ярмарки*» [5, С. 120]; «*Вообразите себе человека лет сорока пяти, высокого, худого, с длинным и тонким носом, узким лбом, серыми глазками, взъерошенными волосами и широкими насмешливыми губами*» [5, С. 11]; «*Представьте себе, любезные читатели, человека полного, высокого, лет семидесяти, с лицом, напоминающим несколько лицо Крылова*» [5, С. 38].

Образ рассказчика автор может использовать в качестве субъекта повествования. Бахтин М.М. отмечал: «Вводя рассказчика, Тургенев в большинстве случаев вовсе не стилизует чужой индивидуальной и социальной манеры рассказывания» [6, С. 347]. Например, история мальчика Ильюши («Бежин луг»), которую он рассказывает ребятам, собравшимся у костра: «*– А вот что случилось. <...> Вот на днях зовет приказчик псаля Ермила; говорит: «Ступай, мол, Ермил, **на пошту**». Ермил у нас **завсегда на пошту** ездит; собак-то он всех своих **поморил**: не живут они у него отчего-то, так-таки никогда и не жили, а псаля он хороший, **всем взял**...»* [5, С. 63] (Ильюша, как и все деревенские мальчишки, был очень суеверный, он верит в нечистую силу, в существование призраков, рассказывает ребятам об утопленнике и говорящем барашке. Его речь проста (просторечье, диалектизмы), ярка, красочна, у него хорошо развито воображение, Ильюша умеет заинтересовать и напугать своих слушателей); и рассказ Лукерьи: «*Про беду-то мою рассказать? **Извольте**, барин. Случилось это со мной уже давно, лет шесть или семь. Меня тогда только что **помолвили** за Василья Полякова – помните, такой **из себя статный** был, кудрявый, еще буфетчиком у матушки у вашей служил? <...> Очень мы с Василием **слюбились**; из головы он у меня не выходил; а дело было весною. Вот раз ночью... уж и до зари недалеко... а мне не спится: соловей в саду **таково** удивительно поет сладко!.. <...> **Заливается он, заливается**... и вдруг мне **почудилось**: зовет меня кто-то Васиним голосом, тихо так: «Луша!..» Я глядь в сторону, да, **знать**, спросонья оступилась, так прямо с **рундучка** и полетела вниз – да о землю **хлоп!** И, кажись, не сильно я **расшиблась**, потому – скоро поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри – **в утробе** – **порвалось**... Дайте дух перевести... с*

минуточку... барин» [5, С. 231] (Лукерья – человек из народа, человек, родившийся, воспитывающийся, проживающий в народной среде, ее речь насыщена простонародными словами) и другие.

Сочетание голоса автора и рассказчика создает впечатление единства «субъекта речи» и «субъекта повествования», являющиеся носителем авторского замысла, и в то же время носителем культурного сознания. Например, в начало рассказа «Свидание» автор-рассказчик вводится в повествование как реальное лицо: *«Я сидел в березовой роще осенью, около половины сентября»* [5, С. 168]. А затем отступление, которое субъектно не определено: *«С самого утра перепадал мелкий дождик, сменяемый по временам теплым солнечным сиянием; была непостоянная погода. Небо то всё заволакивалось рыхлыми белыми облаками, то вдруг местами расчищалось на мгновенье, и тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь, ясная и ласковая, как прекрасный глаз»* [5, с. 168]. Придерживаясь точки зрения Валгиной Н.С., мы утверждаем, что «неназванность авторского «Я» создает впечатление полной отстраненности автора от текста описания природы и автор лишь ощущается как наблюдатель со стороны» [7, с. 184]. А далее по тексту мы вновь наблюдаем присутствие охотника: *«Я сидел и глядел кругом, и слушал»* [5, с. 168].

Таким образом, субъект повествования выбирается, а затем определяется речевыми средствами, способными его создать (от первого лица, – «я» автора или «я» персонажа; от лица вымышленного; отстраненно; безличностно и так далее). Единое «я» может объединять и точку зрения, близкую к авторской, и точку зрения, ей противоположную. Такой способ Н.В. Шевченко называет «повествовательная перспектива» и выделяет два направления: «объективированное авторское повествование и субъективированный рассказ» [8, С. 58-59].

В каждом из этих направлений можно выделить три типа повествователей:

- «повествователь-автор» – незримый, максимально приближенный к автору, не участвующий в художественном действии, а лишь наблюдающий (например, повесть И.С. Тургенева «Клара Милич»);
- «рассказчик-участник происходящего» – «персонифицированный» повествователь, одно из действующих лиц художественного произведения (например, рассказы И.С. Тургенева из цикла «Записки охотника»);
- совмещение в одном лице рассказчика и персонажа прозаического произведения (например, повести И.С. Тургенева «Фауст», «Сон»).

Обсуждение. Образ автора является высшей формой индивидуализации авторства в градации «субъект речи – субъект повествования – образ автора». Такое разграничение поможет избежать смешения понятий, тесно связанных между собой. Вершина построения образа автора закладывается в различном представлении субъекта повествования, а также в выборе формы повествования. По мнению Виноградова В.В., «образ автора – это центр, фокус, в котором скрещиваются, объединяются, синтезируются все стилистические приемы словесного искусства» [9, С. 151], основным определителем образа автора служит «отношение автора». Первоначально это понятие, введенное Виноградовым В.В., употреблялось только по отношению к художественной литературе. В произведении образ создается речевыми средствами потому, что без словесной формы нет и как такового произведения. Однако он творится читателем и находится в области восприятия, который задан автором, хотя и не всегда по воле самого автора, поэтому возникают трудности в точности определения этого понятия несмотря на то, что образ автора создается на базе структуры текста. Катаев В.Б. указывает: «Человеческая сущность автора сказывается в элементах, которые, будучи выражены через язык, языковыми не являются» [10, С. 31]. Следовательно, описывать образ автора только с лингвистической точки зрения было бы ошибочно. Образ автора больше угадывается, воспринимается, чем предстает перед нами материально, в словесных знаках, значит, искать его следует «в принципах и законах словесно-художественного построения» [11, С. 249]. Виноградов В.В., исследуя художественное произведение через речь, пытался раскрыть «человеческую сущность автора» [9, С. 150].

Определяя образ автора семантическим и стилистическим центром художественного произведения, каждый авторский текст характеризуется особым способом организации речи, через который мы узнаем автора и отличаем его от других, то есть создаем индивидуальный, неповторимый образ идиостиля.

Заключение. Образ автора является не только субъектом речи (часто он даже не называется в структуре произведения), но и личностное отношение к предмету изображаемого, воплощенного в речевой структуре текста. Образ автора – это «концентрированное воплощение сути произведения» (В.В. Виноградов) или «нравственное самобытное отношение автора к предмету изложения» (Л. Толстой) в литературном произведении, созданное через словесное построение. Чертков В.Г. отмечает: «Цельность художественного произведения заключается не в единстве замысла, не в обработке действующих лиц, а в ясности и определенности того отношения самого автора к жизни, которое пропитывает все произведение» [12]. Субъект речи, который присутствует в любом произведении, воплощается в разных формах субъекта повествования: в жанрах художественной литературы вся структура текста субъективно-личностная. Триединство «субъект речи – субъект повествования – образ автора» является своеобразной шкалой восхождения от конкретного к общему, от объективного к субъективному, от воспроизведения к восприятию. Образ автора – это результат сотворчества автора, который создает, и читателя, который воспринимает произведение. А так как восприятие может быть

разным, то и не может быть запрограммировано автором. Образ автора порождается через восприятие автора как личности, отражающейся в его произведениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Гумбольдт В.фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
- 2 Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. – М.: Просвещение, 1972. – 110 с.
- 3 Брандес М.П. Стилистический анализ. – М.: Высшая школа, 1971. – 190 с.
- 4 Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 281-307.
- 5 Тургенев И.С. Записки охотника. – М.: Художественная литература, 1984. – 253 с.
- 6 Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. – Киев: Next, 1994. – 495 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/dostoevsky/bahtin/05.html>.
- 7 Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
- 8 Шевченко Н.В. Основы лингвистики текста: Учебное пособие. – М.: Приор-издат, 2003. – 160 с.
- 9 Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
- 10 Катаев В.Б. К постановке проблемы образа автора // Научн. докл. Высш. шк. филол. науки. – М., 1966. – № 1. – С. 30-38.
- 11 Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 362 с.
- 12 Чертков В.Г. Записи (о Толстом). 1894-1910 гг. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.azlib.ru/c/chertkow_w_g/text_0060.shtml

REFERENCE

- 1 Gumboldt, V. fon. (1984). Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Selected Works on Linguistics]. Moskwa: Progress [in Russian].
- 2 Korman, B.O. (1972). Izuchenie teksta hudozhestvennogo proizvedeniya [Learning the text of a work of art]. Moskwa: Prosveshchenie [in Russian].
- 3 Brandes, M.P. (1971). Stilisticheskij analiz [Stylistic analysis]. Moskwa: Vysshaja shkola [in Russian].
- 4 Bachtin M.M. (1979). Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnych naukach. Opyt filosofskogo analiza [The problem of the text in linguistics, philology and other humanities. The experience of philosophical analysis]. Estetika slovesnogo tvorchestva – Aesthetics of verbal creativity. Moskwa: Iskustvo [in Russian].
- 5 Turgenev, I.S. (1984). Zapiski ochotnika [Hunter's notes]. Moskwa: Chudozhestvennaja literatura [in Russian].
- 6 Bachtin, M.M. (1994). Problemy tvorchestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's creativity]. – Kiev: Next. Retrieved from <http://www.vehi.net/dostoevsky/bahtin/05.html> [in Russian].
- 7 Valgina, N.S. (2003). Teorija teksta: Uchebnoe posobie [Text Theory: Study Guide]. Moskwa: Logos [in Russian].
- 8 Schevchenko, N.V. (2003). Osnovy lingvistiki teksta: Uchebnoe posobie [Basics of Linguistics Text: Study Guide]. Moskwa: Prior-izdat [in Russian].
- 9 Vinogradov, V.V. (1971). O teorii chudozhestvennoj rechi [About the theory of art speech]. Moskwa: Vysshaja shkola [in Russian].
- 10 Kataev V.B. , (1966). K postanovke problemy obraza avtora [To the statement of the problem of the image of the author]. Nauchn. dokl. Vyssh. shk. filol. Nauki – Scientific doc. Higher school filol. science. 1, 30-38 [in Russian].
- 11 Vinogradov, V.V. (1980). Izbrannye trudy. O jazyke chudozhestvennoj prozy [Selected Works. About the language of fiction]. Moskwa: Nauka [in Russian].
- 12 Chertkov, V.G. Zapisi (o Tolstom). 1894-1910 gg. [Records (about Tolstoy). 1894-1910]. Retrieved from http://www.azlib.ru/c/chertkow_w_g/text_0060.shtml [in Russian].

Г.А. Кривенко, филология ғылымдарының кандидаты
Инновациялық Еуразия университеті (Павлодар қ., Қазақстан Республикасы)
E-mail: galinakr1016@gmail.com

Көркем мәтіндегі автор бейнесін көрсету формалары

Мақалада автор бейнесінің рөлі анықталады, сонымен қатар көркем мәтінде авторды көрсетудің түрлі формалары қарастырылып, авторлық мәтіннің ерекшеліктері көрсетіледі. Мәтін автордың әңгіме құру ерекшеліктерін, жеке көзқарасын білдіреді, мәтін арқылы автордың идеостилін анықтауға, автордың тұлғасын сипаттауға болады деген тұжырымдама шығарылады.

Түйін сөздер: авторлық, көркем мәтін, автор бейнесі, білдіру формалары, әңгімелеу субъектісі.

G.A. Krivenko, Candidate of Philological Sciences
Innovative University of Eurasia (Pavlodar, Kazakhstan Republic)
E-mail: galinakr1016@gmail.com

The presentation of authorship in a literary text

The article highlights the role of the author's image, examines various forms of representation of authorship in a literary text, and proves that the text is always a certain angle of view, characterized by a chosen way of organizing speech, through which we recognize the author, i.e., create an individual, unique image of his idiostyle.

Key words: authorship, literary text, image of the author, presentation forms, subject of the story.